

Великій Князь Николай Николаевичъ

въ 1860-мъ году, въ Парижѣ.

Въ столь богатой событіями жизни великаго князя Николая Николаевича встрѣчается эпизодъ, оставшійся совершенно неизвѣстнымъ его біографамъ, г. Жерве и Д. А. Скалону, несмотря на то, что послѣдній былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ великому князю и пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ.

Эпизодъ этотъ особенно любопытенъ тѣмъ, что Его Высочество является въ немъ въ совершенно необычной для него роли дипломата, и, несмотря на свою неподготовленность къ этому новому для него поприщу, онъ исполнилъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, самымъ блестящимъ образомъ державную волю Августѣйшаго своего брата.

Это было въ 1860 году, когда Императрица Матушка, Государыня Александра Ѳеодоровна, съ находившимся у нея въ гостяхъ любимымъ сыномъ „Nisi“, проживала въ Ниццѣ, только-что присоединенной къ французской имперіи.

Наполеонъ III всячески старался угодить Государынѣ и задобрить ее, такъ какъ зналъ, что она, какъ и великій князь, не слишкомъ доброжелательно относилась къ этой аннексіи. Оба они любили въ Ниццѣ прелестный обликъ чисто итальянскаго города и были очень дружны съ ея прежнимъ владѣтелемъ, Викторомъ Эммануиломъ, „il Re Galantuomo“, часто посѣщавшимъ Императрицу въ Ниццѣ. Король только съ душевной скорбью, даже, говорятъ, со слезами, рѣшился разстаться, по требованію своего могущественнаго союзника,—тайно имъ ненавидимаго,—

съ этой жемчужиной Италіи и вмѣстѣ съ нею съ колыбелью своего дома, Савойею.

Великій князь не скрывалъ своего неудовольствія этой экспроприаціею, и, я помню, какъ я боялся за него, когда онъ, въ день плебисцита, долженствовавшаго рѣшить давно заранѣе дипломатами предрѣшенную участь Ниццы, разгуливалъ съ отрицательнымъ бюллетенемъ „Non“, не только на своей шляпѣ, но и на ошейникѣ его любимаго пса „Разбойника“, среди многотысячной толпы, въ которой было столько явныхъ и тайныхъ агентовъ французскаго правительства.

Но дѣлать было нечего; высшая политика, къ которой, по слухамъ очень неохотно, присоединился и нашъ Государь, рѣшила, что Франція должна получить вознагражденіе за кровь, пролитую на поляхъ Мадженты и Сольферино для освобожденія Ломбардіи отъ владычества австрійцевъ.

Наполеонъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы пріобрѣсти, если не благорасположеніе Императрицы Александры Ѳеодоровны, то, по крайней мѣрѣ, право на ея признательность. Независимо отъ назначенія состоять при Ея Особѣ, во все время пребыванія ея въ предѣлахъ Франціи, одного изъ своихъ самыхъ вліятельныхъ и любимыхъ адъютантовъ, генерала Фроссара, будущаго воспитателя императорскаго принца, впоследствии командира корпуса, выдержавшаго первые натиски пруссаковъ подъ Вейсенбургомъ и Вертомъ, и убитаго въ одномъ изъ сраженій подъ Мецомъ,—онъ прислалъ цѣлую придворную конюшню и вагенбургъ для прогулокъ Императрицы по Ниццѣ и ея окрестностямъ. Узнавши отъ Фроссара о сожалѣніи Государыни, что она не видѣла, при проходѣ ихъ на возвратномъ пути черезъ Ниццу, столь отличившихся въ послѣднюю кампанію знаменитыхъ зуавовъ, Наполеонъ выслалъ немедленно изъ Парижа цѣлый батальонъ гвардейскихъ зуавовъ, чтобы держать караулы въ виллахъ Де-Орести и Авигодора, въ которыхъ жили Императрица и великій князь. Николай Николаевичъ съ его наметаннымъ военнымъ глазомъ не могъ довольно налюбоваться этими образцовыми представителями французской арміи, бывшей тогда послѣ крымской и итальянской войнъ въ апогеѣ своей славы. Трудно было представить такой подборъ молодцовъ и съ такой замѣчательной военной выправкой. Великій князь часто заходилъ въ ихъ помѣщеніе, присутствовалъ на ихъ ученьяхъ, разговаривалъ съ отдѣльными зуавами, какъ только умѣлъ говорить съ солдатами онъ, и..

окончательно очаровалъ ихъ, какъ потомъ миѣ передавали это ихъ офицеры.

Надобно было отблагодарить Наполеона, съ которымъ въ то время считались всѣ коронованныя лица,—а нѣкоторые даже его побаивались; потому Государь рѣшилъ послать съ собственноручнымъ письмомъ къ Императору и,—какъ кажется, съ передачей на словахъ особаго порученія,—великаго князя, которому такая командировка очень и очень не улыбалась. Онъ съ нѣкоторою опасливой брезгливостью относился къ перспективѣ очутиться среди пышнаго двора второй имперіи съ его нѣсколько оффенбаховскимъ, но строго соблюдаемымъ этикетомъ, о которомъ столько вездѣ говорилось и печаталось, и который вызывалъ ироническія улыбки среди старыхъ, основанныхъ на вѣковыхъ традиціяхъ, дворахъ Европы.

Великому князю предстояло явиться первымъ официальнымъ представителемъ нашего царскаго дома въ Парижѣ послѣ крымской войны. Великій князь Константинъ Николаевичъ посѣтилъ Парижъ еще раньше—въ 1857 году, но, кажется, только по своему почину и безъ официального характера, конечно съ соизволенія Государя, но не по Высочайшему Его Величества повелѣнію. Это было понятно, такъ какъ прїѣздъ его слишкомъ близко совпадалъ съ подписаніемъ парижскаго мира, съ его столь тягостными для самолюбія Россіи условіями. Конечно, Наполеонъ III ловко воспользовался пребываніемъ великаго князя Константина Николаевича,—перваго члена Россійскаго царскаго дома, въ столицѣ Франціи,—чтобы положить основанія будущаго сближенія съ Россіей, и повтому оказывалъ всѣ возможные знаки вниманія къ его особѣ, какіе впоследствии онъ оказывалъ только коронованнымъ лицамъ, столь часто съ 1869 г посѣщавшимъ Парижъ.

Положеніе великаго князя Николая Николаевича было совсемъ иное: онъ являлся въ Парижъ по волѣ своего державнаго брата съ письмомъ и съ особымъ порученіемъ Его Величества къ Наполеону, и исполненіе такого рода порученія дипломатическаго характера было для великаго князя дѣломъ совершенно новымъ и непривычнымъ.—Поэтому понятно его нѣкоторое смущеніе и даже быть можетъ недовѣріе къ своимъ силамъ и подготовленности къ царской службѣ въ этой для него необычной сферѣ.—Онъ не скрывалъ всего этого отъ Государыни Матушки, и, полагаю, нерѣшимость Его Высочества дошла и до самаго Государя, такъ какъ вскорѣ состоялось Высочайшее повелѣніе генераль-адъютанту графу Штапель-

бергу,—бывшему нашему посланнику въ Туринѣ,—состоять при великомъ князѣ во время его поѣздки во Францію.

Великій князь неохотно разставался съ Ниццею, которая благодаря чудной погодѣ, продолжавшейся всю весну 1860 г., была особенно привлекательна въ этомъ году. Русское общество было многочисленно, и настолько же первенствовало въ то время въ космополитной Ниццѣ, насколько послѣ оно затемнялось англійскимъ и американскимъ элементомъ. За-океанскіе милліардеры тогда еще не наводняли Ривьеру, какъ они это дѣлаютъ теперь. Русская колонія имѣла много богатыхъ и родовитыхъ представителей и цѣлый цвѣтникъ молодыхъ, веселыхъ и милостивыхъ боярышень, во главѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ княжною Маріей Максимилиановной, бывшей тогда въ чарующемъ расцвѣтѣ ея восемнадцати лѣтъ ¹⁾).

Матушка Императрица нѣжно любила красавицу-внучку, которая прибыла вмѣстѣ съ нею и помѣщалась съ своей воспитательницей Г-ей Барыковой въ виллѣ Де-Орести, занимаемой Ея Величествомъ въ Ниццѣ.

Въ угоду ей, Императрица приглашала по очереди молодыхъ ея подругъ на свои ежедневные вечера и даже устроила для нихъ небольшой танцевальный вечеръ въ великолѣпномъ саду, окружавшемъ виллу Де-Орести.—Кромѣ того

¹⁾ Ея Высочество особенно дружила съ нѣкоторыми изъ этихъ боярышень, бывшихъ, по годамъ, ея сверстницами. Онѣ образовали особый кружокъ подъ названіемъ „Шайка“, атаманомъ которой себя объявила княжна Марія Максимилиановна. Изъ этого кружка и по сіе время благополучно здравствуютъ, кромѣ Августѣйшей ея предводительницы: свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская, бывшая въ то время графиня Анна Александровна Мордвинова; графиня Игнатьева, бывшая княжна Екатерина Леонидовна Голицына; Татьяна Михайловна Лазарева; княжна Надежда Алексѣевна Трубецкая, обѣ фрейлины Государынь Императриць; и баронесса Мейендорфъ, бывшая въ 1860 году графиня Марія Васильевна Олсуфьева.

Графиня Орлова-Давыдова, бывшая въ то время графиня Марія Егоровна Толстая; княгиня Демидова Санъ-Донато, въ описываемое время княжна Мещерская; Наталія Николаевна Черкесова; свитская фрейлина баронесса Марія Петровна Фредериксъ; графиня Дарія Васильевна Олсуфьева, впоследствии замужемъ за А. А. Моро; графиня Зубова, бывшая въ 1860 г. графиня Александра Васильевна Олсуфьева. Къ скорбному листу „Шайки“ слѣдуетъ, къ сожалѣнію, прибавить еще одно имя:—ея Августѣйшей предводительницы, скончавшейся въ Карлсруэ, 2-го февраля, когда статья эта уже была отослана въ типографію.

Принцесса до конца жизни сохранила дружескія отношенія съ своими ницскими подругами, съ нѣкоторыми изъ которыхъ даже поддерживала переписку.

были большіе балы—съ оркестромъ—у Е. И. В. принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на виллѣ Avigdor, у моряковъ на палубѣ парохода фрегата Рюрикъ, у великаго князя и dejeuner dansant, длившійся впрочемъ далеко за полночь, даваемый русской колоніей въ честь Государыни Императрицы,—въ Beaupieu. Танцами всегда распорядился, съ обычнымъ ему искусствомъ, веселостью и ловкостью, великій князь, что дома онъ дѣлалъ только на придворныхъ балахъ.

Тогда еще не было ни велосипедовъ, ни автомобилей, и любимый спортъ для молодыхъ людей была верховая ѣзда; почти каждый день устраивались прогулки - пикники, верхомъ въ очаровательныя окрестности Ниццы. Среди нашихъ дамъ были замѣчательно ловкія и смѣлыя наѣздницы, начиная съ Ея Высочества Маріи Максимилиановны; великій князь былъ очень друженъ съ своей племянницей и они шли въ первой—чудно красивой парѣ ¹⁾.

Послѣдніе дни пребыванія въ Ниццѣ были посвящены частымъ и долгимъ совѣщаніямъ Ея Высочества съ графомъ Штакельбергомъ, которыя, полагаю, имѣли нѣсколько дидактической характеръ. Кромѣ графа, великаго князя сопровождали: личный адъютантъ—пишущій эти строки,—докторъ А. Л. Обермиллеръ и только одинъ камердинеръ Бергманъ.

Въ самую минуту отъѣзда В. И. Мятлевъ, находившійся на рейдѣ Ниццы на своей яхтѣ—которую Государыня Императрица, бывшая особенно внимательной и милостивой къ Владиміру Ивановичу, разъ осчастливила Своимъ посѣщеніемъ — и пользовавшійся давнишнимъ расположеніемъ великаго князя, предложилъ свои услуги—въ качествѣ гофмаршала двора Ея Высочества. Онъ имѣлъ вполнѣ то, что французы называютъ

¹⁾ Изъ другихъ кавалеровъ вспоминаю Е. В. принца Николая Петровича Ольденбургскаго; моего товарища лейбъ-гусара и по нынѣ здравствующаго шталмейстера Высочайшаго двора, графа Стенбокъ-Фермора, двухъ братьевъ князей Долгорукихъ, впоследствии оберъ-гофмаршала и генералъ-адъютанта; кирасира шт.-ротмистра Клюпфеля; адъютанта принца Ольденбургскаго князя Оболенскаго. В. И. Мятлевъ, бывший во главѣ всякой увеселительной программы, отъ верхового спорта съ благоразумной осторожностью удерживался, предпочитая ему морской, который впрочемъ, также не всегда ему удавался. Помню, какъ онъ, въ день именинъ Императрицы, ѣхалъ на рулѣ своего вельбота, въ камергерскомъ мундирѣ подъ громомъ салютныхъ выстрѣловъ двухъ пушченокъ своей яхты, съ великолѣпнымъ букетомъ для Ея Величества и—за нѣсколько шаговъ отъ берега опрокинулъ лодку и ея пассажировъ: меня и курьера Императрицы Драгони.

le physique de l'emploi: великолѣпныя бакенбарды петербургскаго сановника, начинающуся лысину, во всемъ англійскую складку,—какъ князь Григорій изъ „Горе отъ ума“,— всегда невозмутимо серьезное, несмотря на постоянное шутовство, выраженіе лица и великолѣпный расшитый золотомъ камергерскій мундиръ со множествомъ иностранныхъ, большею частью какихъ-то экзотическихъ, орденовъ.

Великій князь, смѣясь, согласился, но съ уговоромъ, чтобы Владиміръ Ивановичъ, извѣстный столько же своимъ неподражаемымъ юморомъ и неизсякаемымъ остроуміемъ, обличавшимъ въ немъ достойнаго сына автора безсмертной „Мадамъ де-Курдюковъ“, какъ и своею расточительностью, отнюдь не принималъ въ серьезъ своего положенія псевдо-гофмаршала и не вмѣшивался ни въ какіе расходы, „не то, знаю“, добавлялъ великій князь, „намъ не съ чѣмъ будетъ въ Петербургъ вернуться“.

Привожу одинъ примѣръ юмора, немного шутовскаго, Мятлева. Когда на представленіи въ Тюилерійскомъ дворцѣ, на которомъ, разумѣется, я уступилъ первое мѣсто Владиміру Ивановичу, какъ нашему гофмаршалу, Наполеонъ спросилъ у него: „Depuis combien de temps êtes-vous auprès de son Altesse?“ Мятлевъ, отвѣсивъ низкій придворный поклонъ, по принятому этикету, который онъ уже успѣлъ скопировать у придворныхъ французскихъ чиновъ, съ невозмутимымъ, серьезно-почтительнымъ лицомъ отвѣтилъ: „Depuis son enfance, Sire“. Великій князь рассказывалъ потомъ, какого труда ему стоило, чтобы не расхохотаться, припоминая, что этотъ столь долгій срокъ сводился къ тремъ днямъ.

Впрочемъ денегъ на этотъ вояжъ намъ было отпущено изъ Министерства двора столько, что, полагаю, и при расточительности Мятлева ихъ хватило бы. Желая придать особый блескъ пріѣзду своего брата къ Тюилерійскому двору, Государь приказалъ отпустить изъ кабинета большой ящикъ, до краевъ наполненный табакерками, перстнями, часами, портсигарами съ портретами и вензелями великаго князя, браслетами и брошками, осыпанными брилліантами. Ихъ было, на мой глазъ, тысячъ на двадцать или тридцать, по крайней мѣрѣ ¹⁾. Въ препроводительной бумагѣ графа Адлерберга было сказано: „Для

¹⁾ Двѣ табакерки, пожалованныя въ Парижъ министру двора графу Бачіочи и оберъ-штабмейстеру генералу Флери съ портретомъ Его Высочества стояли вмѣстѣ 4.364 р.

раздачи придворнымъ чинамъ французскаго двора и другимъ лицамъ по приказаніямъ Его Императорскаго Высочества и указаніямъ посла, графа Киселева.— Въ частномъ письмѣ графъ Александръ Владиміровичъ писалъ: „L'Empereur désire qu'on ne se gêne pas avec ses cadeaux“; и когда, по возвращеніи въ Петербургъ, большая часть подарковъ была представлена непочтотю, то благодущный графъ Адлербергъ чуть не сдѣлалъ выговора: „Вѣдь было сказано не экономничать“!

Для переѣзда великаго князя въ Марсель былъ назначенъ пароходъ-фрегатъ „Рюрикъ“, на которомъ обыкновенно совершали морскіе переѣзды Государь и члены Императорской фамиліи.—Кромѣ упомянутыхъ лицъ свиты, добрый великій князь разрѣшилъ моей сестрѣ Ольгѣ Васильчиковой, ѣхать съ ея семействомъ и цѣлымъ штатомъ французскихъ Non-pou кормилицъ и англійскихъ боннь, съ нами до Марселя. Мы оставили Ниццу, не помню въ который изъ первыхъ дней мая и менѣе нежели черезъ сутки уже были въ Марсель, гдѣ великаго князя ожидалъ въ *Expresse Lyon Méditerranée* императорскій вагонъ.

Въ Парижѣ на вокзалѣ Южныхъ дорогъ Его Высочество былъ встрѣченъ всѣмъ составомъ нашего посольства, бывшаго въ то время особо избраннымъ и блестящимъ. Во главѣ его стоялъ маститый графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, украшенный генераль-адъютантскими вензелями еще „благословеннаго“ Царя Александра Павловича. Совѣтникомъ посольства былъ Альфредъ Карловичъ Гротъ, впоследствии оберъ-шенкъ и завѣдующій Высочайшимъ дворомъ, секретарями числились: первымъ—Алексѣй Николаевичъ Толстой, „le Louche“, мой товарищъ по Пажескому корпусу, племянникъ столь вліятельнаго въ министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, Ивана Матвѣевича Толстого, вторымъ—Паскевичъ, племянникъ варшавскаго фельд-маршала. Военнымъ агентомъ былъ флигель-адъютантъ, графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, бывшій адъютантъ великаго князя Николая Николаевича, впоследствии заслужившій Георгіевскій крестъ на шею славнымъ командованіемъ гвардіи за Балканами.—Было еще много *attachés*, имена которыхъ я не могу припомнить, за исключеніемъ князя Петра Никитича Трубецкаго, супруга знаменитой *Lison* Трубецкой, имѣвшей въ Парижѣ салонъ, который игралъ въ то время извѣстную роль въ большомъ свѣтѣ и у дипломатовъ, всегда встрѣчавшихся въ ея великолѣпныхъ гостинныхъ.

Великій князь не пожелалъ остановиться по приглашенію Императора Наполеона въ Тюилерійскомъ дворцѣ и имѣлъ пребываніе въ Grand Hôtel du Louvre, гдѣ ему нашимъ посольствомъ былъ приготовленъ цѣлый рядъ роскошно отдѣланныхъ комнатъ. Сколько мнѣ помнится, огромная наемная цѣна за этотъ великолѣпный апартаментъ, кажется превышавшая тысячу франковъ въ день, была уплачена посольствомъ.—Ливреи и выѣздные экипажи собственно для Его Высочества были отъ двора, но великій князь рѣдко пользовался ими и только для официальныхъ выѣздовъ; обыкновенно же онъ ѣздилъ на фіакрахъ или экипажахъ графа П. А. Шувалова.

Мы пріѣхали въ Парижъ вечеромъ, и на другой же день довольно рано, послѣдовалъ пріемъ великаго князя Императоромъ въ Тюилерійскомъ дворцѣ.—Выѣздъ во дворецъ былъ полу-официальный; не было ни военнаго эскорта, ни вершниковъ у дверей экипажа, а только впереди двумѣстной кареты, въ которой были великій князь и посоль, ѣхалъ въ парадной ливреѣ *richeur*. Запряжки и экипажи были безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ. Было видно, что императорскими конюшными завѣдывалъ такой знатокъ лошадей и выдающійся кавалеристъ, какимъ былъ оберъ-штальмейстеръ, генералъ Флери, впоследствии французскій посоль въ Петербургѣ. Въ особенности была хороша пара 7 вершковыхъ полукровныхъ *high-steppers* въ экипажѣ великаго князя. Его Высочество, страстный любитель лошадей, по возвращеніи изъ дворца, не могъ удержаться, чтобы, въ присутствіи многочисленной публики на парадномъ дворѣ Hôtel du Louvre, не снимая еще генераль-адъютантскаго мундира, столь красиваго въ то время съ блестящей каской и пышнымъ султаномъ изъ перьевъ, нѣсколько разъ не обойти кругомъ этихъ чудныхъ лошадей, стоявшихъ у подъѣзда, какъ вкопанныя на вытянутыхъ въ струнку ваднихъ сухихъ ногахъ.

Его Высочество былъ принятъ во второй гостиной или кабинетѣ Наполеона, куда онъ вошелъ вмѣстѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ, имѣя въ рукахъ собственноручное письмо Государя. Мы, т.-е. Мятлевъ, докторъ Обермиллеръ и я съ французской свитой великаго князя, дожидались въ первой гостиной. У дверей, въ которыя они вошли во вторую гостиную, стояла неподвижно, какъ каріатиды, пара уборныхъ часовыхъ изъ отборнаго эскадрона *Cent Gardes*,—замѣчательные красавцы въ голубыхъ мундирахъ, съ серебромъ, въ стальныхъ кирасахъ и каскахъ.—Обмундированіе нижнихъ чиновъ,

всѣхъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, почти ничѣмъ не отличалось отъ офицерскаго: было точно такъ же богато, превосходно пригнано и украшено одинаковыми серебряными аксельбантами.

Интимная аудіенція продолжалась довольно долго, послѣ чего императоръ вышелъ, ведя подъ руку императрицу Евгенію, бывшую тогда во всемъ расцвѣтѣ ея легендарной красоты. Она веда за руку прелестнаго мальчугана пяти лѣтъ, le Prince Impérial. Наполеонъ каждому изъ насъ сказалъ нѣсколько словъ; мнѣ припомнилъ, — что, конечно, ему было подсказано, — мое представленіе ему на балѣ Тюилерійскаго дворца въ 1857 г. Императрица удостоила насъ дозволеніемъ поцѣловать ей ручку и каждому изъ насъ сказала нѣсколько любезныхъ словъ. Все это продѣлалось весьма скоро, затѣмъ общій поклонъ, и императорская чета скрылась за дверью, охраняемой часовыми Cent Gardes.

Наполеонъ въ тотъ же день, около 4-хъ часовъ, отдалъ визитъ великому князю, пріѣхавъ одинъ безъ всякой свиты въ парномъ кабріолетѣ, которымъ самъ правилъ. Онъ былъ въ синемъ рейтфракѣ, сѣрыхъ брюкахъ и высокомъ цилиндрѣ, который тогда носили всегда и вездѣ всѣ, считавшіеся принадлежащими къ обществу. Несмотря на докладъ швейцара, что великаго князя не было дома, Наполеонъ пожелалъ взглянуть на его помѣщеніе въ отелѣ. Я былъ одинъ дома и успѣлъ встрѣтить императора у первой площадки великолѣпной лѣстницы à deux rampes, ведшей въ апартаменты, занимаемые Его Высочествомъ.

Опираясь на палку и съ замѣтной одышкой, императоръ, нѣсколько грузный, на короткихъ ногахъ, тихо по ней поднялся и вошелъ въ бельэтажъ, гдѣ уже собрался весь персоналъ отеля. Небрежно отвѣтивъ кивкомъ на ихъ подобострастно низкіе поклоны, Наполеонъ сдѣлалъ едва уловимый знакъ, по которому всѣ быстро скрылись. Онъ прошелъ, сопровождаемый однимъ мною, — даже камердинера Бергмана не было налицо, — весь рядъ комнатъ, занимаемыхъ Его Высочествомъ. — „Voyant comme Vous êtes bien installés, — сказалъ онъ мнѣ, — „j'éprouve moins de regrets de ne pas avoir Monseigneur chez moi au palais“.

Въ спальнѣ онъ съ любопытствомъ разсматривалъ образа и кресты вмѣстѣ съ акварельнымъ портретомъ Государя Николая Павловича, всюду сопровождавшимъ великаго князя, разложенные на столикѣ около походной желѣзной кровати Его

Высочества, и казался очень удивленнымъ, когда я ему пояснилъ, что великій князь, какъ и всѣ его братья, другихъ кроватей, какъ дома, такъ въ походахъ и вояжахъ, не имѣютъ, и что на точно такой же узкой кровати скончался въ 1855 году въ Зимнемъ Дворцѣ Государь Николай Павловичъ. „Tiens, c'est curieux, mais cela ne doit pas être très commode“, съ нѣсколько недовѣрчивой улыбкой пропустилъ онъ • изъ-подъ своихъ нафиксатуаренныхъ довольно длинныхъ усовъ.

Быть можетъ онъ припомнилъ громовкія походныя постели съ массою тюфяковъ и подушекъ своего царственнаго дяди, одинъ экземпляръ которыхъ, отбитый казаками въ 12-мъ году, хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

Войдя въ кабинетъ великаго князя, онъ вынулъ карточку съ гравированной надписью: „L'Empereur des Français“—и, загнувъ уголь, положилъ ее на письменный столъ. Съ изысканной учтивостью спросивъ, можно ли здѣсь курить, — онъ почему-то зналъ, что Его Высочество не курить, — закурилъ папирску и, предложивъ мнѣ такую же изъ своего портсигара, покойно расположился на креслѣ и довольно долго распрашивалъ меня о привычкахъ великаго князя, интересуясь знать, любить ли онъ ѣздить верхомъ. „Dans ce cas dites à Monseigneur, que je lui ai préparé pour les promenades le matin au Bois une très bonne bête, dressée spécialement par la Hotte“¹⁾.

Великій князь потомъ сожалѣлъ, что не воспользовался этой любезностью, такъ какъ узналъ отъ графа Киселева, что Наполеонъ намѣревался, послѣ того, какъ Его Высочество на ней ѣздилъ, подвести ему эту лошадь; а великій князь, страстный любитель и замѣчательный знатокъ конскаго дѣла, радовался всякому случаю увеличить составъ своей Петербургской конюшни, превышавшей иногда полсотни головъ, въ числѣ которыхъ послѣ войны была и лошадь Османъ-Паши, подведенная знаменитымъ защитникомъ Плевны его побѣдителю²⁾.

Затѣмъ съ „Bien des compliments à son Altesse et des regrets

¹⁾ Генералъ La Hotte считался первымъ ѣздокомъ французской кавалеріи; онъ командовалъ тогда кавалерійской школой въ Сомюрѣ.

²⁾ Въ рѣдкихъ случаяхъ Его Высочество милостиво принималъ подобныя подведенія и отъ частныхъ ему приближенныхъ лицъ. Я самъ имѣлъ честь подвести Его Высочеству, когда въ 1874 году покинулъ строевую службу, моего послѣдняго фронтового коня, известнаго всей Варшавѣ по своимъ замѣчательнымъ статьямъ—„Бурко“, завода графа Дедушицкаго. Великій князь очень полюбилъ эту лошадь и много на ней ѣздилъ на войнѣ съ Турціей 1877—1878 годахъ.

de ne pas avoir trouvé Monseigneur“, Наполеонъ простился со мной у подъѣзда, куда высыпала масса служащихъ и живущихъ въ отелѣ.

На другой или третій день былъ назначенъ парадный обѣдъ съ дамами, болѣе чѣмъ на двѣсти персонъ во Дворцѣ. Графу Киселеву и Павлу Андреевичу Шувалову стоило не малаго труда уговорить великаго князя быть на этомъ обѣдѣ въ установленномъ для подобныхъ случаевъ французскимъ дворомъ костюмѣ, состоявшемъ изъ обыкновеннаго фрака, бѣлаго галстука и рубашки съ какимъ-то вычурнымъ жабо. Потомъ шелковыя черныя брюки и такіе же чулки, оканчивающіеся башмаками съ большой стальной пряжкой, трехъугольная шляпа *claque*, назначеніе которой было носиться только подъ мышкой, а никакъ не на головѣ, и бѣлыя лайковыя перчатки довершали этотъ костюмъ, въ которомъ Его Высочество, несмотря на явное отвращеніе замѣнить имъ привычный для него мундиръ, былъ удивительно красивъ и ловокъ. Ему въ то время шелъ тридцатый годъ, и онъ былъ въ лучшей порѣ своей замѣчательной мужественной красоты, дѣлавшей его столь схожимъ съ покойнымъ Государемъ.

Контрастъ, представляемый имъ, когда онъ шелъ рядомъ съ французскимъ императоромъ, доходившимъ ему только до плеча, былъ великъ и, конечно, не въ пользу Наполеона. Его Высочество во время нескончаемо длиннаго обѣда занималъ мѣсто между императоромъ и императрицей. За императорскимъ столомъ были и мѣста немногихъ лицъ его свиты, каждый рядомъ съ одной изъ придворныхъ дамъ императрицы. Мятлевъ, разумѣется, былъ, какъ дома и, несмотря на строгій этикетъ вызывалъ своими остротами безпрестанно смѣхъ своихъ сосѣдокъ. Мнѣ досталась честь вести къ столу графиню Пурталесъ, одну изъ кружка самыхъ красивыхъ, прелестныхъ женщинъ, снятыхъ вокругъ императрицы Евгеніи на знаменитой картинѣ Винтергальтера, столь распространенной тогда и до сихъ поръ безчисленными гравюрами.

Для насъ русскихъ было по меньшей мѣрѣ странно видѣть на этомъ официальномъ обѣдѣ въ честь русскаго великаго князя, въ числѣ приглашенныхъ, барона Дантесъ Геккерна, злополучно мѣткій выстрѣлъ котораго лишилъ Россію преждевременно величайшаго ея поэта. Какъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ французской имперіи, сенаторъ и кавалеръ первой степени Почетнаго Легіона, онъ сидѣлъ за императорскимъ столомъ недалеко отъ великаго князя, который не могъ не

обратить вниманія на его выдающійся ростъ и сановную осанку. Слѣдуетъ замѣтить, что Геккернъ послѣ обѣда, во время долго длившагося куртага, на которомъ Наполеонъ представилъ Его Высочеству всѣхъ высшихъ лицъ войска и администраціи, держалъ себя въ сторонѣ и ни къ кому изъ русскихъ, даже близкихъ ему по Жоскеу клубу, не подходилъ. За то видимо демонстративно съ нимъ дружески разговаривалъ Принцъ Наполеонъ—Plop-Plop. Досадно было видѣть на этомъ заявленномъ врагѣ Россіи нашу Андреевскую ленту.

Въ теченіе своего шестидневнаго пребыванія въ Парижѣ великій князь еще нѣсколько разъ видѣлся съ Наполеономъ въ Тюилери и, кажется, за обѣдомъ у принцессы Матильды, княгини Демидовой-Санъ-Донато, очень благоволившей—въ разрѣвъ своему брату, Plop-Plop,—къ русскимъ и всегда хранившей благодарную память къ Государю Николаю Павловичу, которому она была обязана значительной рентой, выплачиваемой ей А. Н. Демидовымъ, ея разведеннымъ мужемъ.

Великій князь, сколько помнится, ни одного раза не обѣдалъ у себя въ отелѣ, принимая приглашенія, кромѣ упомянутыхъ, къ обѣдамъ у посла и графа Шувалова; но за то всякій день къ завтраку въ 12 часовъ у него собиралось большое общество. Кромѣ лицъ свиты, къ которой вновь причислился графъ Павелъ А. Шуваловъ, бывали приглашаемы нѣкоторые члены посольства и постоянно генераль-адъютанты, князья Левъ Радзивиллъ и А. Ѳ. Голицынъ, оба истые парижане, знавшіе всѣхъ и всѣмъ знакомые, которые очень оживляли эти завтраки, длившіеся иногда до 2 часовъ, своими нескончаемыми разсказами и веселыми анекдотами о парижской жизни, изученной ими обоими такъ подробно.

Послѣ завтрака я почти не видѣлъ великаго князя, котораго постоянно сопровождалъ графъ Шуваловъ, его бывшій любимый адъютантъ и другъ дѣтства. Я приходилъ къ великому князю вмѣстѣ съ докторомъ Обермиллеромъ въ 8 часовъ утра, когда онъ кушалъ чай—неизмѣнно зеленый, какой исключительно употреблялъ и его Августѣйшій родитель. Наскоро просматривалась полученная петербургская почта съ приказами и газетами, изъ которыхъ великій князь читалъ только „Русскій Инвалидъ“ и „Петербургскій Листокъ“, и разсѣянно выслушивалось то, что я ему читалъ изъ „Figaro“ и другихъ Парижскихъ бульварныхъ газетъ, относившееся до пребыванія великаго князя въ Парижѣ и до Россіи.

Въ 9 часовъ Его Высочество выходилъ со мною гулять по

бульварамъ и по Палероялю, останавливаясь передъ роскошно убранными витринами, и часто заходя въ магазины для покупокъ, которыя большею частью тутъ же размѣщались по карманамъ нашихъ пальто; только особо громоздкія, или по которымъ приходилось платить крупные счета, направлялись въ нашъ отель, такъ какъ великій князь желалъ сохранить при этихъ утреннихъ прогулкахъ самое строгое инкогнито, что, однако, не всегда удавалось. Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа этихъ покупокъ набралось столько, что онѣ не размѣщались въ нашихъ карманахъ, и я былъ принужденъ сложить ихъ въ каретку перваго попавшаго фіакра, приказавъ ему слѣдовать за нами. Вдругъ я замѣтилъ съ испугомъ, что фіакръ отсталъ отъ насъ въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, которыя тогда, до ломки и перемѣнъ, сдѣланныхъ Гаусманомъ, окружали Палерояль. Несмотря на наши поиски, мы егдѣ найти не могли, въ немъ находилось различныхъ покупокъ на нѣсколько тысячъ франковъ, а я не позаботился узнать его номеръ или указать ему нашъ адресъ. Масса экипажей и пѣшеходовъ, несмотря на ранній часъ, переполняли узкія улицы, и я серьезно начиналъ опасаться за могущія быть послѣдствія моей неосмотрительности, когда ко мнѣ подошелъ безукоризненно одѣтый джентльменъ, учтиво снялъ блестящій цилиндръ и вполголоса доложилъ: *Mon Colonel, le fiacre N tel et tel n'est pas loin au coin de cette autre rue, un agent va l'amener tout de suite*. Даже чинъ мой былъ извѣстенъ нашему невѣдомому охранителю, не говоря уже о высокомъ санѣ лица, шедшаго рядомъ и очень забавлявшагося моимъ смущеніемъ и всѣмъ этимъ эпизодомъ.

Вообще полиція Парижа тайная и явная, возведенная геніальнымъ ея начальникомъ, знаменитымъ Pietri, до совершенства, не только неусыпно охраняла великаго князя, но и зорко за нимъ повсюду и вездѣ слѣдила. Директоръ *Grand Hôtel*, счастливый и довольный пожалованнымъ ему перстнемъ съ брилліантовымъ вензелемъ великаго князя, признался мнѣ въ день нашего отъѣзда, что въ числѣ ливрейной прислуги, служившей за завтракомъ, было два „*mouchards*“, прекрасно говорившихъ по-русски, обязанность которыхъ была каждый день представлять à son Excellence Monsieur le Prefet письменный докладъ обо всемъ, что говорилось за столомъ.—„Неужели son Altesse этого не замѣтилъ и могъ полагать, что наша прислуга могла быть такъ неловка, какъ ce misérable, который чуть не облилъ великаго князя, уронивъ за нимъ блюдо съ соусомъ“. Я успокоилъ директора, увѣряя, что никто изъ насъ

этой оплошности его персонала не замѣтилъ, и подумалъ, какъ мало интереснаго должны были представлять для Pietri доклады его тайныхъ агентовъ, такъ какъ за столомъ они слышали только парижскіе рассказы и анекдоты,—имъ, вѣроятно, давно извѣстные,—передаваемые съ неподражаемымъ юморомъ княземъ Радзивилломъ и его пріятелемъ Александромъ Федоровичемъ Голицынымъ vulgus „Сашка“, какъ его, разумѣется за глаза, называли даже корнеты. Серьезные разговоры, если таковые были, съ посломъ и съ графомъ Штакельбергомъ, происходили въ кабинетѣ великаго князя, куда они ежедневно прѣзжали за полчаса до завтрака.

Я только разъ, кажется, сопровождалъ Его Высочество въ его экскурсіяхъ, предпринимаемыхъ тотчасъ послѣ завтрака: это было, когда онъ въ мундирѣ поѣхалъ въ инвалидный домъ—le palais des Invalides—директоромъ котораго,—по нашей терминологіи,—а по французской,—Gouverneur des Invalides,—былъ послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ Наполеона,—бывшій король Вестфальскій,—Жеромъ.

Совершенно дряхлый Наполеонидъ встрѣтилъ у подъезда великаго князя въ парадномъ мундирѣ съ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ, который впрочемъ былъ ему пожалованъ племянникомъ, а не братомъ, имѣвшимъ весьма нелестное понятіе о его военныхъ способностяхъ и даже освободившимъ его послѣ Бородина отъ командованія корпусомъ. Было трогательно видѣть слезы на глазахъ почтеннаго старика, когда онъ, съ трудомъ шагая, подвелъ великаго князя къ мраморному саркофагу своего великаго брата, предъ которымъ склонился на колѣни. Великій князь былъ видимо тронутъ, однако къ нашей, русскихъ, общей радости, примѣру Жерома не послѣдовалъ, хотя утренніе листки это на другой день утверждали. Выходя изъ мавзолея, великій князь пожелалъ посѣтить принца Жерома въ его великолѣпной квартирѣ въ самомъ домѣ, а затѣмъ, попросивъ принца не утруждать себя, въ сопровожденіи коменданта дома, бригаднаго генерала, прошелъ по всѣмъ обширнымъ помѣщеніямъ инвалидовъ, со многими изъ которыхъ онъ милостиво разговаривалъ, въ особенности съ ранеными во время Крымской войны ¹⁾).

¹⁾ Не воображалъ я тогда, что черезъ тридцать шесть лѣтъ я буду такимъ же „Gouverneur des Invalides“ въ Москвѣ и стану вспоминать въ скромныхъ казарменныхъ комнатахъ стариковъ измайловцевъ о роскошныхъ помѣщеніяхъ ихъ Парижскихъ товарищей.

Всѣ вечера Его Высочество проводилъ въ театрѣ. Во всѣхъ, получающихъ субсидіи отъ правительства или города, театрахъ были предоставлены въ его распоряженіе Императорскія ложи. Впрочемъ, онъ мало ими пользовался, предпочитая оперетку и циркъ. Великій князь даже не особенно охотно отнесся къ усиленнымъ просьбамъ министра двора, Вассіосі, посѣтить знаменитый „foyer de la danse“ за кулисами Grand Opera. Не помню, кто была тогда звѣздой балетнаго міра, которая была представлена министромъ великому князю, сказавшему ей, по поводу ея танцевъ, нѣсколько учтивыхъ словъ, видимо очень ей польстившихъ. На другой день она была еще болѣе осчастливлена, когда В. И. Мятлевъ доставилъ ей осыпанный брилліантами довольно цѣнный браслетъ отъ имени великаго князя, котораго Владиміръ Ивановичъ убѣдилъ въ необходимости слѣдовать парижскимъ традиціямъ, экспертомъ которыхъ онъ являлся въ нашей свитѣ.

Табакерки, которыя я по указанію графа П. Д. Киселева, передалъ отъ Августѣйшаго имени министру двора Вассіосі, министру внутреннихъ дѣлъ — Roucher, оберъ-штабмейстеру Флери и, сколько помнится, префектамъ города и полиціи, были, разумѣется, гораздо цѣннѣе, особенно тѣ, на которыхъ находились портреты Его Высочества. Дамскихъ подарковъ, несмотря на большое ихъ число присланныхъ изъ кабинета Его Величества,—не было случая раздавать.

Великій князь остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, и, судя по слышанному мною тогда же отъ графа Киселева, произвелъ наилучшее впечатлѣніе на Тюилерійскій дворъ, въ особенности на императрицу.—„Peut être la traitait il un peu trop en jolies femmes dont on voudrait faire la conquête. Mais au reste elle n'avait nullement l'air d'en être fâchée“, прибавлялъ онъ, быть можетъ не сознавая, что, (по слухамъ) и самъ онъ несмотря на старческіе годы, точно также съ нѣкоторой фамильярностью,—которую въ виду его утонченной любезности ему охотно извиняли, — относился къ красавицѣ Евгеніи.

А. Н. Толстой увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ письмо графа Павла Дмитриевича къ князю Горчакову, но предназначенное для прочтенія Государемъ, въ которомъ графъ съ величайшей похвалою отзывался о нашемъ великомъ князѣ, о тактѣ, съ которымъ онъ исполнилъ возложенное на него Высочайшее порученіе, и о выгодномъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ,

какъ на дворъ, такъ и на всѣхъ, имѣвшихъ случай къ нему приблизиться ¹⁾).

Великій князь спѣшилъ домой, къ семьѣ, съ которой онъ былъ почти три мѣсяца въ разлукѣ; поэтому, проѣзжая черезъ Германію, не заѣзжалъ, какъ обыкновенно это дѣлалъ, къ родственнымъ дворамъ Штутгардта и Веймара, а остановился только на два дня въ Берлинѣ, чтобы посѣтить въ Потсдамѣ своего двоюроднаго брата, Фридриха Карла, съ которымъ онъ былъ очень друженъ и съ которымъ у него было много общаго, въ особенности во взглядахъ на кавалерію. Оба они были выдающіеся ѣздоки и знатоки коннаго дѣла. „Красный Принцъ“, „der rote Prinz“, какъ называли Фридриха Карла по цвѣту доломана и фуражки прусскаго гвардейскаго гусарскаго полка, которые онъ постоянно носилъ, не менѣе способствовалъ развитію превосходныхъ качествъ германской кавалеріи, какъ его двоюродный братъ, великій князь Николай Николаевичъ, сдѣлалъ это для русской конницы.

Его высочество посѣтилъ Берлинъ на другой годъ еще разъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, будучи представителемъ Государя Императора на похоронахъ короля Фридриха Вильгельма IV-го. Его свита состояла изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ В. И. Мятлева; графъ Штакельбергъ былъ снова прикомандированъ къ Его Высочеству.

Церемонія похоронъ была замѣчательна тѣмъ, что она соединила въ Берлинѣ въ послѣдній разъ всѣхъ владѣтельныхъ князей германскаго союза, числомъ болѣе тридцати, которыхъ пять лѣтъ спустя такъ разметала побѣда пруссаковъ подъ Кеннигредомъ.

Это былъ, кажется, единственный разъ, что Его Высочество, столь часто посѣщавшій Берлинъ, остановился не въ домѣ Посольства, а въ большомъ королевскомъ дворцѣ. Рождественскую обѣдню Его Высочество пожелалъ отслушать въ маленькой церкви Потсдамской колоніи русскихъ гвардейскихъ солдатъ, водворенныхъ тамъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III въ 1814 году.—Изъ нихъ осталось очень немного; прихожанами этой церкви. Они всѣ пережились на нѣмкахъ; дѣти были крещены лютеранами и совершенно онѣмечились, точно также какъ и немногіе изъ оставшихся въ живыхъ гвар-

¹⁾ Къ сожалѣнію, я этого письма не нашелъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, открытомъ мнѣ по особой любезности С. Д. Сазонова; вѣроятно оно, какъ не строго официальное, перешло въ личный архивъ князя Горчакова, находящійся у его сына.

дейцевъ Александра Павловича, позабывшихъ даже русскій языкъ. Теперь полагаю село Ивановъ, „das Dorf der Iwan“, ничѣмъ не отличается отъ многочисленныхъ селъ, въ видѣ городовъ, окружающихъ Потсдамъ,—вѣроятно и сама церковь упразднена за полнымъ отсутствіемъ прихожанъ.

На этотъ разъ отсутствіе великаго князя изъ Петербурга было очень непродолжительно: сколько мнѣ помнится, онъ уже командовалъ войсками на Крещенскомъ парадѣ 1862 года.

Графъ Алексѣй Олсуфьевъ.

Riviera. San Remo.
Февраль 1914 г.

